

Автор: Лелик А. (Украина)

В институте мы изучаем философов: Сартра, Тиллиха, Франкла, Гусерля, Хайдегера, Кьеркегора. Кому-то нравятся и близки одни, кому-то другие. Одни находят что-то свое в одном, другие, напротив, ничего стоящего в нем не находят. В этом и особенность экзистенциализма: нет панацеи, но есть индивидуальное лекарство, которое одному в пользу, а иному яд.

Какому больному может быть полезен Кьеркегор как лекарство? Каковы признаки болезни и ее основные симптомы? Как понять, «мой ли философ» Кьеркегор, а если даже и не мой, то кому и в чем он мог бы быть полезен?

Время кризисов. Тупики...

Где бы ни учился человек психологии, его неминуемо настигнет тема возрастных кризисов. Говоря о них, каждая школа будет говорить о своей периодичности и своих взглядах на природу этих кризисов. В гештальт-психологии отлично знают, чем их понимание кризисов отличается, предположим, от психоаналитического.

В экзистенциализме Кьеркегора также описаны кризисы. Только связаны они не с возрастом, а с кризисом способа жизни, с невозможностью продолжать жить так, как жил раньше. Каждый кризис несет с собой отчаяние и состояние тупика с вопросом: «почему я не могу жить как прежде?», «что не так в моей жизни?». Не раз приходилось слышать о том, что такого понятия как тупик не существует, что это «отмазка» для ленивых, слабых, трусливых. Тупик не так прост, как мы о нем думаем: это не конец пути с каменной стеной, у которой решается головоломка: разобрать по кирпичикам или пойти в обход. Тупик — это когда, как бы ни поступил человек, его неминуемо ждет боль, страдание, горе, вина — отсюда и рождается отчаяние, ощущение дна страданий. Для кого-то тупик подобен камню на перекрестке дорог Древней Руси с тремя указателями — из-за невозможности выбрать. В тупике находился и известный всем Буриданов осел, которому «добрый» хозяин, от щедрот своих, насыпал две одинаково лакомые кормушки сена. Животное сдохло от голода, будучи не в состоянии выбрать ни одну из них и лишиться таким образом второй. Тупик может быть подобен и распутью, и бездорожью, и яме, и открытому морю с неизвестностью, где берега.

Попробую проиллюстрировать это рассказом из книги «Отец Арсений». В этой книге собраны различные непридуманные истории из жизни духовных чад известного старца. В рассказе «Отец Матвей» речь идет о молодой паре, растящей двух сыновей, которую разлучила война. Когда жена, Людмила, перестала получать письма от мужа, она стала искать его по всем инстанциям, делать запросы, пытаться найти супруга. Но, увы, все было безрезультатно. Прошли годы, и она вышла замуж за другого мужчину, который стал отцом ее сыновьям. У них родилась девочка. Муж же по окончании войны попал в лагерь, по доносу, что не было редкостью в то время. В целом с момента расставания прошло около пятнадцать лет. Всей душой он стремится домой, и вот он у дверей. Стучит в дверь, открывает ему незнакомый мужчина. В коридоре он видит силуэт жены. Всем сразу все становится понятно без слов. Жена с криком бросается ему на шею: все это время она любила его, не могла смириться с потерей. Но как жить дальше? Людмила по-прежнему любит, он это видит. Но как быть с сыновьями, которых принял и воспитывает другой мужчина и которые видят в нем отца? Как быть с девочкой, у которой есть только один отец? Как быть с женщиной, который взял в жены женщину с двумя детьми, зная, что любит она не его, а своего без вести пропавшего мужа? Прошло время, и у них, что называется, «стерпелось-слюбилось». Живут они хорошо, стали верующими людьми, что в те времена было редкостью. И вот главный герой, «восставший из могилы» со своей любовью, верностью, болью. Он проходит в комнату и видит свои фотографии на стене: знает, что он не забыт, но кто он здесь? Тень прошлого? Вечная боль? Герой принимает решение, от которого в тот миг зависят судьбы еще пяти человек. Жена и нынешний ее муж смиренно ждут его воли, понимая, что именно он должен сейчас решать, за ним последнее слово. Он уходит навсегда из этого дома, переносит после этого тяжелейшие скорби и до конца своих дней тайно

помогает этой семье: любовь к жене и детям оказывается больше любви к самому себе и желания быть счастливым. Затем он принимает священство и монашество с именем Матвей.

Ярко и динамично показано состояние безвыходности: момент, когда Людмила с мужем напряженно ждут его решения, заставляет изрядно переживать за судьбы героев. Невыносимо жаль их, потому что от любого движения и действия каждого неминуемо ждет боль, страдание. Мужество и сила главного героя позволили этой ситуации не затянуться, как это нередко бывает в жизни. Нередко человек, не делая выбор, продолжает жить в тупике, втягивая в него свое окружение и порой уютно устраиваясь на этой точке отчаяния, считая ее «своим местом».

География экзистенциализма Кьеркегора

Итак, отчаяние — тупик, который переживает каждый, кто столкнулся с невозможностью жить далее так, как он живет, и оставаться тем, кто он пока есть. Но, кроме того, Кьеркегор различал различные лики отчаяния и тупиков — в зависимости от того, в какой точке отсчета находится человек. Кьеркегор условно делит людей в зависимости от их взгляда на жизнь и на самих себя в ней, от способа свою жизнь прожить. Чтобы лучше понимать Кьеркегора, можно попробовать изобразить его описания в виде географической карты, на которой есть архипелаг Кьеркегора, четыре различных острова. Стоит отметить, что переезды с острова на остров не являются обязательными для всех без исключения. Ведь есть люди, которые живут иными системами координат и к архипелагу Кьеркегора не имеют прямого отношения. Кроме того, Кьеркегор описал лишь некоторые, те, что сам пережил, кризисы, через которые проходит человек, обнаружив, что, выходя из них, — двигаешься во вполне определенном направлении. Он предлагает не схему, а лишь возможный путь по карте исследованных им мест.

Остров первый

Отчаяние обывателя. «Не хочу быть как все»

Обыватель — это человек, который живет так, как это принято среди окружающих: старается работать, создавать семью, хорошо одеваться и говорить хорошо, читать модные новинки и приобретать то, что названо «эксклюзивом». Достоевский в своем романе «Идиот» специально уделяет некоторое время описанию именно такого человека, которого, по его словам, не очень-то любят писатели, обходя своим вниманием в поисках ярких личностей.

Вот что он пишет:

«В самом деле, нет ничего досаднее, как быть, например, богатым, порядочной фамилии, приличной наружности, недурно образованным, не глупым, даже добрым, и в то же время не иметь никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи, быть решительно «как и все»... Таких людей на свете чрезвычайное множество и даже гораздо более, чем кажется; они разделяются, как и все люди, на два главные разряда: одни ограниченные, другие «гораздо поумнее». Первые счастливее. Ограниченному «обыкновенному» человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний. Стоило некоторым из наших барышень остричь себе волосы, надеть синие очки и наименоваться нигилистками, чтобы тотчас же убедиться, что, надев очки, они немедленно стали иметь свои собственные «убеждения». Стоило иному только капельку почувствовать в сердце своем что-нибудь из какого-нибудь общечеловеческого и доброго ощущения, чтобы

немедленно убедиться, что уж никто так не чувствует, как он, что он передовой в общем развитии. Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочитать страничку чего-нибудь без начала и конца, чтобы тотчас поверить, что это «свои собственные мысли» и в его собственном мозгу зародились. Наглость наивности, если можно так выразиться, в таких случаях доходит до удивительного; все это невероятно, но встречается поминутно».

Доктор Алексейчик сказал похожее одной фразой: «Каждый хочет быть нормальным, но никто не желает быть посредственным».

Тупик обывателя непременно связан с открытием «хочется», которое противоположно общепринятому, тому, «как у всех». Колебания между «так принято» («так было всегда» и т.п.) и своими собственными «хочу» и приводят человека к отчаянию.

Проиллюстрировать начало этого пути к тупику можно эпизодом из романа «Анна Каренина», сценой после бала, на котором Анна увела жениха Кити, Вронского, кокетничая с ним весь вечер. Наутро, после бала, в доме своего брата Стивы, Анна спешно укладывает вещи для отъезда в Петербург. Долли, подруга Анны и сестра Кити, видя волнение Анны, не может понять, в чем дело, и заводит с ней разговор. Совесть, вина не дают покоя Анне — ведь Кити, ее младшая подруга, должна сейчас ненавидеть ее, и есть за что. Но другая мысль не дает ей покоя еще больше.

«...Она не только сомневалась в себе, она чувствовала волнение при мысли о Вронском и уезжала скорее, чем хотела, только для того, чтобы больше не встречаться с ним.

— Да, Стива мне говорил, что ты с ним танцевала мазурку и что он...

— Ты не можешь себе представить, как это смешно вышло. Я только думала сватать, и вдруг совсем другое. Может быть, я против воли...

Она покраснела и остановилась.

— О, они это сейчас чувствуют! — сказала Долли.

— Но я была бы в отчаянии, если бы тут было что-нибудь серьезное с его стороны, — перебила ее Анна. — И я уверена, что это все забудется и Кити перестанет меня ненавидеть.

— Впрочем, Анна, по правде тебе сказать, я не очень желаю для Кити этого брака. И лучше, чтоб это разошлось, если он, Вронский, мог влюбиться в тебя в один день.

— Ах, боже мой, это было бы так глупо! — сказала Анна, и опять густая краска удовольствия выступила на ее лице, когда она услышала занимавшую ее мысль, выговоренную словами...»

Для Анны было нормой жить так, чтобы не уводить мужчин у подруг. Но ей так захотелось, чтобы этот мужчина в нее влюбился! И это «захотелось» оказалось важнее того, чтобы жить так, как было для нее привычным, нормальным.

А вот чувства Анны после первой близости с Вронским:

«...Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошлять это чувство неточными словами. Но и после, и на другой и на третий день, она не только не нашла слов, которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств, но не находила и мыслей, которыми бы она сама с собой могла обдумать все, что

было в ее душе.

Она говорила себе: “Нет, теперь я не могу об этом думать; после, когда я буду спокойнее”. Но это спокойствие для мыслей никогда не наступало; каждый раз, как являлась ей мысль о том, что она сделала, и что с ней будет, и что она должна сделать, на нее находил ужас, и она отгоняла от себя эти мысли.

— После, после, — говорила она, — когда я буду спокойнее.

Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновиденье почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновиденье, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом».

Бесконечно можно приводить цитаты из книги, в которых видно восстание Анны против общепринятого уклада жизни. Многие женщины в обществе имели связи на стороне, но тайно. Это считалось обычным делом, допустимым. Толстой показывает, как мучилась Анна, как не хотела жить с любовником тайно, как принято. Ей хотелось жить

по-своему. Для нее «по-своему» значило открыто жить с Вронским, с сыном, и в обществе, которое ее принимает такой, какая она есть, разведенной и беременной от любовника, который не так давно был чужим женихом. Общество не простило ей желание быть не такой, как все, жить так, как ей хочется. Она стала изгоем в светском обществе. «Мир» не пожелал «прогнуться» под нее. А для нее стало трудно переносимым такое отношение «мира» к ней.

Часто за кризис обывателя можно принять мятежный дух взрослеющего подростка. Тот тоже преисполнен желанием не быть как все, в особенности как родители, а быть иным, он якобы противопоставляет себя обществу. Нередко это служит причиной того, что подросток идет искать себя в какую-либо субкультуру. Но в рамках этой субкультуры он вновь становится «как все» («как они»). В его бунте нет индивидуального. Скорее это напоминает смену среды обитания.

Живет себе человек на острове обыденной, обывательской жизни и живет. Иногда такую жизнь называют жизнью традиционного общества. У одних (по мнению Кьеркегора — у подавляющего большинства) жизнь так и проходит. Но может быть иначе, и в этой традиционности, общепринятости вдруг становится тесно. Тогда рождаются в душе слова, что однажды пропел В.С. Высоцкий:

Вдоль дороги все не так,

А в конце — давно.

И ни церковь, ни каба́к —

Ничего не свято!

Нет, ребята, все не так,

Все не так, ребята!

В таком случае обыватель встает на путь борьбы за свои права и свободы, за то, чтобы «поступать как хочу и никто мне не указ» — иногда это он называет «быть самим собой». Он становится достаточно смелым, чтобы жить, невзирая на мнения «толпы», жить, ориентируюсь исключительно на свои «хочу».

Остров второй

Отчаяние эстетического. «Я — свободен»

Если заменить синонимом слово «эстетик» и перевести его на более понятный нам язык, то больше всего подойдет слово «свободный». Свободный — от общественного мнения, от традиций, стереотипов и внешних условностей. Человек, который определенно знает, что он хочет, и знает, что жизнь ему дана для реализации своего «хочу». И если для обывателя «братъ» — значит ухватить «положенное»: отдых в Египте, дачу, квартиру,

модную машину, ванну с гидромассажем, а также обзавестись уютным креслом в кабинете и второй половинкой с парой-тройкой детей, то для эстетика «брат» — это «делай, то, что хочешь, и кто тебе указ? Жизнь твоя, хозяин в ней ты». Это вовсе не значит, что эстетик — анархист и беспредельщик. Опора эстетика, человека, живущего ради своих собственных желаний — это неизменно его «хочу». «Хочу» могут быть гораздо шире, чем вкусная еда или сексуальное удовольствие (нередко «хочу» эстетика ошибочно сводят именно к гедонизму). «Хочу» может иметь какой угодно облик; главное, что именно оно является движущей силой и одновременно стержнем эстетика. Так, нередко эстетики говорят о Боге, который не в Церкви, а в душе, и Он, Бог, таков, каким я Его понимаю. Эстетики, которые живут религиозной жизнью, любят трактовать и понимать по-своему заповеди, главное в этих трактовках — то, что это их личные трактовки и что с их помощью можно найти оправдание любым своим поступкам. Нередко эстетик (или иначе — человек свободный) находит свою нишу в церковной жизни и реализует себя в ней, не противостоя своим «хочу», а наоборот — находя им почву для реализации. Говоря современным языком, эстетик живет для своей самости, самореализации, самоактуализации — это похоже на идеал психически здоровой жизни, присущий многим направлениям современной психологии и психотерапии, которые нередко именно это ставят во главу человеческих ценностей.

В качестве иллюстрации хотелось бы привести нашумевшую не так давно книгу «Одиночество в сети» — история о стремлении к «счастью как я его понимаю». Потрясло высказывание одной девушки, которая рекомендовала мне ее к прочтению, о том, что это книга с очень печальным концом. Дойдя до развязки, я была удивлена: плохим концом являлось то, что главная героиня предпочла остаться с мужем, от которого родила ребенка, а не уйти к любовнику, с которым их связывала романтическая близость в сети. Дочитывая книгу, «плохой конец» ощущаешь, и героиню искренне жаль; начинаешь вместе с героиней тяготиться ее мужем, «неверным» выбором и всем тем «мещанством», что ее окружает теперь — вместо сети. Я. Вишневский всю книгу пытается описать удовольствия и стремление к ним; по сути, из этого и состоит жизнь его героев: «брат от жизни все». Автор в подробностях смакует эротические сцены, душевные переживания, комфорт и негу, любовь к красивым вещам и вкусной еде. Жизнь героев противоречива, лишена стабильности и уверенности. Ведь в любой момент удовольствие может перестать быть таковым, и тогда герой или героиня отправятся на поиски нового «счастья». Герои Вишневского так и не подошли к отчаянию — тупику эстетика. В романе каждого из героев устраивает его жизнь в той мере, в какой от этой жизни можно что-то «взять». Причины своих горестей герои вряд ли способны видеть в себе, в том, как они живут, и в таком случае внешнее, не зависящее от самого человека, становится причиной всех бед: либо «жизнь — прескверная штука», либо «мужики — сволочи», либо «бабы — дуры». Стоит отметить, что кьеркегоровское понимание переживания кризисов вовсе не предполагает

обязательного перемещения на другой «остров» в жизненном пространстве. Не происходит этого и у героев Я. Вишневого: они продолжают свой бег по тому же кругу жизни.

Иллюстрацией отчаяния эстетика может быть фильм «Соседка», где Фанни Ардан и Жерар Депардьё играют двух страстных любовников, связь которых возобновляется после восьми лет разлуки. Этим героев отличает тот факт, что они знают, что у них есть выбор, понимают, что им хорошо бы расстаться, если не ради себя, то ради тех, за кого они несут ответственность, но не желают это сделать. Их страсть привела в тупик, как напишут потом на их могиле: «ни вместе, ни врозь». Это невыбирание объяснимо — не зря философы сравнивают выбор со смертью: выбирая, человек лишается чего-то, отрекается, позволяет уйти в небытие одному из предметов выбора (как в примере с бедным упрямым ослом). Невыбирание позволяет пребывать в иллюзии, что возможно усидеть на двух стульях. Кьеркегор как-то написал о выборе, что если не сделать его вовремя и с надлежащей энергией (как это сумел сделать о. Матвей из приведенного ранее примера), то его сделает за нас темная сторона нашей природы. Так и произошло с героями фильма. Не в силах жить в отчаянии — тупике своей страсти и не находя для себя возможным отказаться, сделав выбор, они заканчивают свою жизнь трагически. Главная героиня Матильда идет на последнее роковое свидание, на котором во время близости убивает любовника, а затем себя саму. До самой смерти в ней оставалось упорство жить по своим правилам, правилам «свободного» человека, в которых не имеют значения ни собственный муж, ни семья любовника с его маленьким ребенком и беременной женой. Герои этого фильма по переживанию своих тупиков отдаленно напоминают героев «Анны Карениной» с неизменным девизом «не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас» (в нашем контексте — под «наши желания»).

Я нередко задумывалась над тем, что или кто мог помочь выйти из тупика. И отчего не всем дано достичь того дна отчаяния, от которого возможно оттолкнуться, чтобы всплыть на поверхность и спасти то, что еще возможно спасти, изменив себя и свою жизнь?

Возможно, кое-что прояснит в этом вопросе повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергей». Живя и руководствуясь в своей жизни страстью гордыни (пример того, как человек, живущий скромной, религиозной и с виду нравственной жизнью, живет при этом, руководствуясь своими желаниями, опираясь на свои «хочу»), князь Степан Касацкий, в дальнейшем отец Сергей, во всем винит внешнее. Как герои Вишневского источник своих радостей и бед видели в окружающих людях, так и о. Сергей видит их не в самом себе, а в других. В экранизации повести около тринадцати раз он высказывает претензии к кому-то: «блудница меня искушала», «зачем вы меня искушаете, я в монастырь спасаться пришел», «государь нанес оскорбление», «настоятель храма недостаточно свят». Заканчивается это тем, что «Марья — дьявол», и под сомнением оказывается сам Бог. Виновниками всех несчастий герой видит людей, паству, женщин, братию, Бога. Нет ни тупика, ни отчаяния, есть только бесконечные претензии. Но Толстой приводит героя, совершившего грехопадение, к Пашеньке. Встреча с этой женщиной, которая не знает пощады к самой себе, считая себя и «свою мерзость» источником всех своих бед, оказывается для героя судьбоносной, открывает возможность посмотреть на свою жизнь, заглянуть в собственную душу. Герой подошел к возможности поворота от вопроса эстетика «что не так в моей жизни?» к новому, смыслообразующему вопросу «что не так во мне?». К сожалению, герои Вишневского, равно как и любовники из «Соседки» или Анна Каренина, на этот путь не встали, оставшись на своем острове — острове «свободных» людей, поработанных своими страстями.

Герой Толстого подошел к кризису, но самого кризиса мы на страницах повести не видим, он остается за кадром. Можно только попытаться воссоздать его по типу подобных клиентских случаев. А именно: вопрос поставлен «что не так во мне?», начинается труд — пробуждаются переживания, совесть («Что я наделал!»), человек начинает испытывать боль и муки от осознания своих ошибок.

Продолжение прежней жизни больше не дает душевного покоя. И только на фоне все возрастающего отчаяния, сокрушения созревает решение — порвать с собой прежним, восстать на себя, опереться не на свои горделивые хотения, а на этические принципы,

на Заповеди, на новозаветную мудрость, на образцы для подражания из Писания и Предания.

А существует ли опасность того, что, испытав отчаяние и не решившись ни на что, человек может жить в этом отчаянии, воспринимая его как нечто должное, неизбежное?

Об этом мы можем вновь прочесть в романе «Анна Каренина». Наутро, после инцидента на скачках, в порыве отчаяния Анна рассказала мужу о своей любви к Вронскому.

«Ах, что я делаю!» — сказала она себе, почувствовав вдруг боль в обеих сторонах головы. Когда она опомнилась, она увидела, что держит обеими руками свои волосы около висков и сжимает их. Она вскочила и стала ходить». Неоднократно мы видим моменты, когда Анна, казалось бы, полна отчаяния от мысли «что я делаю!», но, к сожалению, этим мыслям нет продолжения. Чем заканчивается роман, известно даже тем, кто его не читал. Решение жить в отчаянии рано или поздно закончится трагедией.

Но все же у человека, живущего эстетической жизнью, есть продуктивный выход: исходом кризиса эстетической жизни может стать переход к совсем иной — к этической.

Остров третий

Отчаяние этического. «Всяк человек ложь». «Мужественное отчаяние»

Задавшись вопросом «что не так во мне?», человек пытается жить по-новому. Теперь он видит опору своей жизни в том, что его жизнью руководят этические принципы (часто религиозно-этические), разум и чувство долга. Они придают его внутреннему миру фундаментальность, помогая противостоять возникающим в душе «настроениям», импульсам и аргументам типа «хочу и буду». Кьеркегор сравнивает этика с глубоким озером, в то время как эстетик — это мелкий, но буйный ручей. Этик четко разбирается в том, что такое хорошо и что такое плохо. Стоит отметить, что поступки свои он пытается совершать не вследствие того, что «так принято», а исключительно потому, что своим жизненным опытом он сам пришел к пониманию необходимости противостоять «импульсам». У него есть образ правильного — как правильно жить, каким правильно быть. Он пытается стоять на этом. Нередко приходилось слышать, что жизнь этика — это скучотища в сравнении с жизнью эстетика. Кьеркегор отрицает это, ведь он пишет о «гармоническом развитии в жизни человека этических и эстетических начал». Этику вовсе не чуждо стремление к прекрасному и радость от удовольствий. Просто опорой его жизни является не желание, а определенные и обоснованные им самим внутренние смыслы, образ правильной жизни, который живет в нем. Вспоминаются герои замечательного фильма «Влюблен по собственному желанию». В попытках навести порядок в жизни молодого спивающегося ловеласа девушка Вера задает вопросы, которые призваны помочь задуматься: «Тебя рассмешили — ты смеешься, тебя обидели — ты обижаешься. А где ты сам?». В жизни этика есть неизменное внимание к импульсам, которые идут из собственной души, к всевозможным хотениям и их постоянное соизмерение с принципами, на которых он стоит, с живущим в нем образом «как правильно поступать». В жизни этика есть осознание бушующих в нем страстей и постоянная борьба с ними. Можно сказать, что она невротичнее жизни эстетической, но! — Кьеркегор настаивал, что жизнь этика неизменно глубже, осмысленнее и подлиннее, чем жизнь эстетика.

В жизни этика однажды наступает свой кризис. Он живет, создавая себя, зная, каким он должен быть и каким не должен. Но... ему это не удастся, во всяком случае — в том виде, в котором он себе это рисует. Ему не удастся избежать падений. Борьба со своими хотениями — «страстями» начинает занимать все больше и больше места в жизни — и все безуспешно. Святые отцы называли это непрекращающейся тягой к плохому, апостол Павел говорит о «жале в плоть» и о том, что «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. гл. 7). Человека этического начинает охватывать отчаяние — он не может победить собственную страстную, греховную природу. В идеале все так ясно и просто, а на практике — увы! В Житии св. Силуана Афонского подробно описывается это отчаяние, и выход из него — на пике отчаяния перестать надеяться на собственные силы в этой борьбе с собой, в попытке преобразить себя, «в борьбе с бесом, который во мне» и начать надеяться на Божью помощь. Продолжать бороться, но искренне просить и ждать Божьей помощи, не особенно рассчитывая на себя. Пережив это отчаяние, человек и совершает тот самый «прыжок веры», о котором пишет Кьеркегор и чаянием которого пропитано все его труды и поиски.

Так сам мыслитель, пройдя весь путь архипелага — от обывателя с религиозным сознанием к эстетике, от эстетика с религиозным сознанием к этику — затем постиг то, что дано постичь не каждому религиозно настроенному человеку — с какого момента человек начинает по-настоящему нуждаться в Боге.

Закончить хотелось бы, повторив мысль о том, что кому-то Кьеркегор станет лекарством, кому-то ядом, кому-то таблеткой-пустышкой. Кто-то, читая его, увидит совсем иные назначения Кьеркегора как лекарства. Нашей задачей было пристальнее рассмотреть лишь некоторую часть тех проблем, над которыми задумывался философ. Тем же, кто почувствовал в нем «своего» мыслителя, желаю скорейшего выздоровления и полезного пребывания на архипелаге Кьеркегора.